

Хьюмен Райтс Уотч — “Контроль за соблюдением прав человека”

“Хьюмен райтс Уотч” переводится на русский язык как “Контроль за соблюдением прав человека”. Эта самая крупная организация в США проводит работу по прекращению нарушений прав человека более чем в 70 странах мира. Ее цель — заставить правительства заплатить своей репутацией и легитимностью, если они нарушают права своих граждан.

Приведем несколько примеров работы “Хьюмен райтс Уотч”: в Китае этой организацией были зарегистрированы случаи жестокости по отношению к политическим заключенным. Используя эти данные, «Хьюмен райтс Уотч» провела успешную кампанию против проведения Олимпийских игр 2000 года в Пекине. Добилась того, что Китаю в этом было отказано мировой общественностью; в Германии сделала несколько докладов о бесчинствах правых и неонацистов против иностранцев. Широкая публикация этих документов вынудила правительство Германии принять действенные меры по обеспечению безопасности немецкого населения страны; в Югославии посланцы “Хьюмен райтс Уотч” составили широкий перечень зверств враждующих группировок и добились создания международного трибунала для осуждения виновных в преступлениях военного времени; в своей стране, в США, “Хьюмен райтс Уотч” сделала доклады о плохих условиях содержания заключенных в тюрьмах особого режима и о необоснованных убийствах пограничными патрулями на американско-мексиканской границе людей, нелегально переходивших эту границу; в Ираке свидетельствовала о геноциде против курдов; в Гаити — о пытках, необоснованных задержаниях, производившихся военными до восстановления правительства Аристиды, и т.д.

“Хьюмен райтс Уотч” критикует нарушения прав человека независимо от политических взглядов или политической принадлежности тех, кто несет за это ответственность, зная, что права человека нарушаются правительствами с разной идеологией, включая государства, которые считаются демократическими: “Мы пытаемся остановить нарушения прав человека независимо от того, являются ли их жертвы широко известными политическими деятелями, фабричными рабочими, крестьянами, нелегальными эмигрантами, женщинами, втянутыми в проституцию, детьми улицы или прислугой”.

В России имеется постоянное представительство отделения “Хьюмен райтс Уотч”, оно работает в странах на территории бывшего СССР и Восточной Европы (это Узбекистан, Таджикистан, Грузия) и называется “Хьюмен райтс Уотч”. Задача российского представительства “Хьюмен райтс Уотч” — наблюдать за ситуацией с правами человека в России и странах СНГ, в основном гражданскими и политическими. Собирая информацию у жертв нарушения и их родственников, представители “Хьюмен райтс Уотч” на основании этой информации (как правило, это интервью) пишут доклады (в докладах обязательно присутствуют рекомендации, сделан-

ные на основании выводов), которые рассылаются по России для Государственной думы, по международным организациям.

Директор московского представительства “Хьюмен райтс Уотч” Дидерик Лохман рассказывает, откуда организация берет средства для своей работы: “Организация живет на пожертвования. Мы получаем деньги от американских фондов, от предпринимателей, от фирм. Мы абсолютно ничего не получаем от американского правительства или международных государственных организаций. Это принципиальная позиция. Мы работаем не только по другим странам, но и по Америке — не хотелось бы зависеть в какой-либо степени от американских властей”.

В последние месяцы, наблюдая за ситуацией с правами человека в России и Белоруссии, Дидерик Лохман отмечает нарушения, проблему которых можно было бы решить уже сегодня: это и немислимые сроки досудебного заключения, и избития людей для получения необходимых показаний. Часто под стражу берутся люди, которые совершили мелкие проступки, и они содержатся под стражей очень длительное время. Очень часто судьи откладывают рассмотрение дел. Дело находится у судьи, но не рассматривается. Иногда назначается заседание, а на заседании оказывается, что свидетель не пришел, или прокурор опоздал, или обвиняемых не доставили, — и тогда дело откладывается. Да еще судьи отправляют дела на следствие. Суд решает, что дело недостаточно расследовано, поэтому суд не может принять по нему решение и отправляет его на следствие, а человек продолжает находиться под стражей. Прокурор, который должен был в достаточной степени расследовать дело, этого не сделал, он не несет ответственности, и в конце концов получается так, что человек, вина которого еще не доказана, продолжает содержаться под стражей. Дидерик Лохман, побывавший в Бутырках, приводит следующий пример: молодой парень, ему 24 года, сидит уже четыре года и восемь месяцев, его дело находится в суде и все еще рассматривается. Когда идет следствие, человек может сидеть два года, потом прокурор обязан его выпустить. Но как только дело передано в суд, человек может сидеть сколько угодно. Это очень большой недостаток в законодательстве, и его необходимо исправить.

Все эти проблемы можно решить порой с минимальными затратами и, очень важно, чтобы в этом принимали участие правительственные организации. Например, Государственная дума уже в первом чтении приняла новый проект Уголовно-процессуального кодекса, и там, к сожалению, эти проблемы не решаются, — уголовная система остается прежней. Так Государственная дума упускает шанс улучшить ситуацию.

“Хьюмен райтс Уотч” считает, что ситуация требует глубокого изучения. Анализируя конкретные вопросы — механизм следствия и получения незаконными способами показаний со стороны работников милиции, —

«Хьюмен райтс Уотч» надеется вместе с Советом Европы, Государственной думой и с исполнительной властью тут, в России, добиться положительных результатов.

Главное отличие в отношениях между властью и обществом в России и в странах с развитой демократией Дидерик Лохман видит в том, что в последних существует общественный контроль за государственными чиновниками, в какой бы области они ни работали, а в России такого контроля нет.

В России, считает Дидерик Лохман, многие думают, что демократия — это выборы, мы выбираем президента, Думу. Нет, это только маленькая часть демократии. Демократия — это общественный контроль, это совместная работа общественности и властей, должен существовать контакт с общественностью, потому что общественные организации доводят до сведения властей, какие проблемы волнуют общественность. И все же, по мнению Дидерика Лохмана, какие-то сдвиги есть, например, «Хьюмен

райтс Уотч» получила приглашение от УИНа — управления по исполнению наказаний — на участие в «круглом столе» в Бутырьках по поводу закона о взаимодействии общественных организаций и органов исполнения наказаний, на который также были приглашены представители российских общественных организаций. На «круглом столе» обсуждались различные проблемы, в частности законопроект о взаимодействии общественных организаций и УИНа. У начальников СИЗО есть свои возражения против каких-то положений в законе, а у общественных организаций — свои.

Дидерик Лохман делает из этого эпизода утешительное заключение: Это что-то новое, я считаю хорошим признаком, что все-таки есть какие-то изменения.

Наш корр.

20 августа 1998 года в Москве проходил конгресс интеллигенции России. С открытым письмом к членам конгресса обратилась Лариса Иосифовна Богораз. Предлагаем вашему вниманию текст обращения Ларисы Иосифовны Богораз к членам конгресса интеллигенции России.

Обращение к членам конгресса интеллигенции России

Глубокоуважаемые «представители общественности России»!

Позвольте мне обратиться к вам от моего собственного имени и во избежание недоразумений самой объяснить причины моего неучастия в мероприятии, которое вы проводите 20 августа 1998 г. «в связи с событиями 21 августа 1968 года».

Неверно объяснять это тем, что я будто бы больна. Слава Богу, я в неплохом состоянии.

По правде говоря, я просто отказалась участвовать в проводимом вами действе. Прежде всего я не понимаю его содержательного смысла. Что, собственно, вы отмечаете — тридцатилетие «Пражской весны» или оккупации Чехословакии, или еще что-то?

Следующая причина: я никогда никого не представляла, не представляю и не буду представлять. Всегда — только самое себя, этого принципа я намерена придерживаться и впредь. Тогда — для чего вы приглашаете меня в свою компанию? Мне в ней не место.

Следующее — вы заявляете: «Сегодня мы обязаны сказать и о собственной гражданской ответственности за все содеянное в советское время». Почему именно сегодня? Где же пряталось ваше чувство гражданской ответственности целых тридцать лет? 30 лет — и более того, если вспоминать «все содеянное» в советское и постсоветское время. Вы оправдываетесь тем, что «Тогда наша общественность не находила в себе сил, смелости, решительности...» Но из последних 30 лет — лет 13 приходится на время перестройки, когда уже не требовалось ни смелости, ни решительности, ни особых сил для того, чтобы проявить себя.

Так как же быть с чувством ответственности? Кто не успел, тот опоздал...

Можно сказать, что в эти последние годы многие из вас — но не все — выступали с приличными публикациями. Что же занесло вас всех в одну когорту, которая вздумала покаяться именно сейчас? За компанию, что ли? Я плохо отношусь к коллективным публичным покаяниям, уж это-то, по-моему, дело глубоко интимное: «ведь каждый в грехе, совершенном вдвоем, отвечает сам за себя». Это тоже один из моих принципов.

Более же всего меня отталкивает от «мероприятия» то, что вы все разом, гуртом, почувствовали: что именно «сегодня... обязаны сказать» и т.д. Ваше обращение подписали 96 человек. Всех вдруг, одновременно посетило чувство раскаяния? Так не бывает. Вероятнее, большинство дождалось, пока появится энергичный человек (желательно — сверху) и поведет всех за собой, все придумает, все толково организует. Это тоже для меня совершенно неприемлемо. Вспомним, какие акции в 68-м году были подготовлены и организованы сверху. Ввод войск, собрания, на которых почти все «единодушно и единогласно одобряли и поддерживали» эту акцию.

Вы утверждаете: «Перестройка... изменила наши представления об истории, о нравственности...» А ваша акция демонстрирует, что ментальность и структура личности «представителей общественности» не изменились. Вы составили удивительно советский по духу документ и придумали соответствующее ему мероприятие.

Ваше обращение вы заканчиваете так: «лучший способ преодолеть ложь прошлого — жить не по лжи сегодня».

А немного выше: «несколько мужественных человек, которые...» Должно быть, имеются в виду мои друзья и я.

Но это не есть правда, это напраслина, которую вы возводите на наше общество 68-го года. Демонстрантов 25 августа было действительно всего, скажем, восемь человек. Но были и иные протесты, хотя и немногочисленные, но все же были: и в Ленинграде, и в Киеве, и в Одессе, и где-то в Кабардино-Балкарии, и в новосибирском Академгородке, и, наверное, где-то еще. Этим протестантов никто не организовывал, не сочинял для них формы протеста. Одни писали в своих городах на приметных местах лозунги типа «Брежнев, вон из СССР!» Другие выступали на собраниях своих служебных коллективов, третьи отказывались идти в армию — вы понимаете, такая акция была просто самоубийственной, одна бригада военных летчиков отказалась лететь на Чехословакию, чтобы не участвовать в оккупации. Формы протестов были самые разные, как разными были и заявлявшие их люди, и т.д. Они никого не представляли. Их ничто не побуждало, кроме собственного чувства гражданской ответственности, никто для них ничего не организовывал. А ваше обращение создает впечатление, будто этих людей не было вовсе, таким образом, вы создаете неправдивую картину нашего общества, «задавленного и запуганного». Говорите же каждый только о себе самом!

Конечно, вы можете сказать: "Но мы таких фактов не знали". Глубокоуважаемые академики, историки, журналисты, если бы захотели, так узнали бы, и только после этого имели бы некоторое право говорить от имени общественности.

Еще не могу не сказать: программа этого мероприятия кажется мне страшно безвкусной и пошлой. Заранее расписанный распорядок действий поименно, кто и в каком порядке выступает; наемный оркестр исполняет не военный походный марш, а классическую музыку, может быть, "Полонез" Огинского, "Прощание славянки"? И в конце концов, заранее сформированная команда отправляется на халюву в Прагу — на этот раз, слава Богу, не на танках. В такой пошлятине я не хочу и не буду принимать участие.

Мое обращение может вам показаться грубым. Но я не прошу прощения: если бы вы знали, какие слова и выражения теснятся у меня на кончике языка, вы сочли бы его нежным.

К организаторам мероприятия: Если вы сочтете мой текст неуместным для его озвучивания в столь торжественной обстановке, то я буду просить всех редакторов газет, подписавших ваше обращение, опубликовать его в своих газетах.

Л.И. Богораз, Москва, 19 августа 1998 г

Скончался член Московской Хельсинкской группы Эрнст Аметистов

7 сентября 1998 года на 64-м году жизни скончался Эрнст Аметистов.

Эрнст Михайлович Аметистов — доктор юридических наук, был членом Конституционного суда и членом Московской Хельсинкской группы с 1989 года, когда МХГ, разрушенная репрессиями, была возрождена вернувшимися из заключения правозащитниками. Аметистов был также одним из авторов устава научно-просветительского общества «Мемориал». Участие Э.М. Аметистова в работе правозащитных организаций не случайно, так как он был одушевлен идеей «государства для человека» (в противовес принципу «человек для государства») и идеей независимости общества от государства. В 1993 году Эрнст Михайлович как член Конституционного суда голосовал вместе с Тamarой Моршаковой и Николаем Витруком против одиозных решений тогдашнего Конституционного суда, втянувшегося в политическую борьбу на стороне коммунистических националистов, был против легализации деятельности коммунистической партии в СССР. В новом составе Конституционного суда Эрнст Аметистов был одним из немногих его членов, осудивших кровопролитие в Чечне.

Эрнсту Аметистову как убежденному правозащитнику и демократу нередко случалось быть в меньшинстве. Но это не останавливало его от открытого отстаивания своих позиций. Об этом хорошо знают журналисты, знает российская и международная общественность.

Светлая ему память.

Приглашаем к дискуссии

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Я в правозащитном движении никогда не участвовал, не участвую и сейчас. Но, будучи человеком сколько-то грамотным и достаточно недоверчивым в общественно-политических вопросах, некоторое представление о нем имел ранее и чуть большее имею сейчас. А потому судьба российского (советского) правозащитного движения и сейчас, и в перспективе меня интересует. Жаль, если это яркое, героическое, можно сказать, явление уйдет в прошлое или выродится в некую систему "клубов по интересам". А основания для таких опасений, на мой взгляд, есть.

В советское время правозащитники отстаивали основополагающие, общепринятые права человека, игнорируемые советской государственной системой независимо от того, имелись ли какие-либо упоминания о них в основных законах государства или они считались официальной идеологией принципиально "вредными буржуазными измышлениями". Не имея практически никакой материальной и весьма ограниченную социальную базу, правозащитное движение приобрело широкую известность и популярность не только за рубежом, но и внутри

страны. Усилия всего могучего советского репрессивного аппарата не смогли покончить с ним, а активность официальной пропаганды только способствовала популяризации идей и деятельности правозащитников.

В настоящее время в России те права человека, за которые боролись советские правозащитники, в основном признаны и *de jure* и *de facto*. Речь не идет, конечно, о том, что эти права реализуются всюду и в полном объеме. Но они включены в Основной закон государства, впервые признанный законом прямого действия. Они присутствуют в законодательных актах и процессе судопроизводства. У рядового гражданина теперь появилась возможность добиваться реализации своих прав (в случае их ущемления) "нормальным" предусмотренным государством путем (судебным, к примеру).

Спору нет, юридическая культура российских граждан сегодня крайне низка. Уровень правовой образованности большинства россиян еще близок к нулю. Над многими и по сей день еще довлеют традиции освященного государством административно-бюрократического произвола и беззакония. Институт независимой адвока-

туры еще только складывается, и услуги профессиональных адвокатов большинству граждан не по карману, а сама система судопроизводства требует значительного совершенствования.

Да, мы находимся еще только в начале долгого пути, но это уже достаточно понятный и известный путь. Множество правозащитных организаций, имеющих теперь официальный статус, пользующихся материальной поддержкой через систему грантов, бодро устремились по этому пути. И как будто растворились в нем.

Чем занимаются сегодня правозащитники в России? Выступают в роли бесплатных адвокатов и добровольных помощников прокуратуры, занимаются ликбезом по правам человека. Все это замечательно и, безусловно, необходимо, особенно сейчас. Но... Достаточно ли этого? Ну, через поколение-другое все граждане будут знать свои права. Дорастем-доживем наконец до гражданского правового общества. И все?! Правозащитники, как шекспировский мавр, сделали свое дело и могут тихо уходить на покой?

Я знаю, что возразит большинство местных, региональных правозащитников. «Да у нас еще дел непочатый край! Да мы еще только разворачиваемся! У нас вот мэр (староста, начальник, директор, губернатор и т.д. и т.п. ...) законы нарушает! Бабусям пенсию не платят, а за неуплату квартплаты — штрафуют. Где уж тут о будущем думать!»

Ну, конечно же! Кто ж с вами спорить будет?! Мало вас — еще бы, если только позавчера на четверть миллиарда населения всего Союза было едва несколько десятков правозащитников. Откуда же сегодня столько же набрать на каждую область, а то и город? Но... Вот нарушаются у нас законы (конкретные российские законы, а не общечеловеческие права, которые это государство отрицает или не признает). Что же делаете? Обращаетесь в прокуратуру, т.е. добровольно и безвозмездно выполняете функции прокурорского надзора, за которые работники прокуратуры получают зарплату, помогаете подать заявление в суд, т.е. опять-таки добровольно и безвозмездно осуществляете адвокатские функции. Все это и нужно и важно, конечно. Но — на сегодняшний день. А послезавтра? Когда-то ведь и прокуратура будет исправно исполнять все свои функции, и адвокатских контор появится много и разных (и благотворительных, и с льготными расценками и т.п.). Можно, конечно, сказать — на наш век в нашем городе (области, районе, селе...) и этих дел хватит. А что потом — пусть внуки думают. Можно и так. Пока вы заняты вашими местными проблемами, пока общероссийское правозащитное движение существует в виде «кампании взаимопомощи и обмена информацией — как что сделать, да где какой грант получить». Может быть, так и нужно, так и должно быть? Не знаю — вам решать.

Но если сегодня создается общероссийское движение «За права человека», мне начинает казаться, что этого недостаточно. Не может, на мой взгляд, общероссийская организация быть простой суммой ряда местных организаций, общероссийское движение — жить только насущными сегодняшними задачами и не думать о перспективе, не формулировать принципиальных общероссийских целей.

Не знаю, может быть, у вас и есть такие цели и задачи. Может быть, у вас и есть какое-то представление о

перспективах российского правозащитного движения (как движения действительно общегосударственного), его месте в мировом правозащитном движении. Но на сегодняшний день ничего такого не звучит. Может быть, где-то есть такого рода заявления, в каких-то правозащитных изданиях публиковались цели и задачи движения, но звучат ведь в основном не слова (да еще произнесенные в своем узком кругу), а дела. Сейчас, глядя со стороны, кажется, что правозащитного движения в России (как сколько-то объединенного, действительно общероссийского, действительно движения) и нет вовсе.

Последним общегосударственным звучанием правозащитников была деятельность Сергея Ковалева в Чечне. Да и то воспринималась она как отчаянная индивидуальная борьба «последнего из могикан». Так что же — это все?! Больше мы ничего и не услышим и не почувствуем?

Единственная общероссийская акция, в которой участвуют правозащитники сегодня, — борьба за право на альтернативную гражданскую службу. Да и в ней ведущую роль все-таки играют весьма специализированные движения («Комитет солдатских матерей», «АРА»).

А мировая (хотя бы СНГ-вая) арена. Где здесь российские правозащитники? В советское время международное правозащитное движение оказывало немалую помощь и поддержку советским борцам за права человека. И речь ведь идет не об одной Amnesty International (кстати, а в России есть ее члены, отделения, делают они что-то?). А сейчас, когда российских правозащитников уже нет необходимости защищать мировой общественности, что делают они сами для мирового правозащитного движения?

Республика Беларусь рядом. Но по делу Павла Шеремета в России звучала почему-то поддержка лишь его профессиональных коллег. Да и прозвучало-то это дело в основном из-за его принадлежности к российской телекомпани. Белорусским диссидентам и правозащитникам сейчас помогают литовцы, поляки, а о россиянах не слышно. Президент России заключает союз с белорусским президентом, истребляющим свободу слова, печати, митингов, собраний и т.п., а российские правозащитники молчат. Или это не касается прав человека? А если послезавтра мы проснемся в российско-белорусском «рейхе» с лукашенковским «новым порядком», это тоже не затронет ничьих прав?

Может быть, я излишне резок, наверное, в чем-то не прав. Но, повторяю, я ведь смотрю со стороны и пишу о том, как все это выглядит со стороны. А это, мне кажется, для общественного движения важно и интересно, если оно еще не замкнулось «само на себя», а намерено работать для этого самого общества, которое судит о нем точно так же — со стороны (и, может быть, еще более резко).

Я не знаю, как правильно, что нужно (или не нужно) и что возможно (или невозможно) делать и почему. Но мне кажется, если российские правозащитники намерены действительно создать единое общероссийское движение, эти вопросы им стоит решить и как-то обозначить свою позицию по ним не только на словах, но и на деле, не только для себя, но и для всех россиян (хотя бы).

*Антон Неверовский,
г. Обнинск*

КТО И ДЛЯ ЧЕГО ХОЧЕТ КОМАНДОВАТЬ ПРАВОЗАЩИТНЫМ ДВИЖЕНИЕМ

31 января 1998 года газета "Вечерняя Самара" поместила интервью с В.И. Индиряковым, старшим помощником прокурора области и одновременно председателем "Самарского регионального общественного правозащитного центра" (далее — СРОПЦ).

Остановлюсь лишь на одном вопросе, к размышлению над которым в очередной раз подталкивает интервью. Это вопрос о взаимодействии государства и общественных объединений.

Бравший интервью у В.И. Индирякова Геннадий Константинович Сяньков мягко назвал сочетание слов "прокурор" и "общественный правозащитник" "несколько странноватым". Как представляется, хотя бы потому, что прокурор, кроме всего прочего, выступает и в качестве государственного обвинителя. А "общественный правозащитник" он и есть общественный, т.е. негосударственный, правозащитник, то есть никак не обвинитель.

Если же говорить по поводу названных словосочетаний более подробно, то можно сказать, что прокуратура, являясь структурой государства, имеет своей главной задачей надзор за исполнением законов, т.е. правил, установленных опять же государством.

А общественные объединения защищают интересы той или иной группы людей, в том числе и от возможного произвола государства, а значит, и от возможного (как это ни прискорбно) произвола прокуратуры как одного из государственных органов.

То есть, в принципе, прокурор и общественная организация (помимо всего прочего) контролируют друг друга. Каков же будет, подумаем, этот взаимный контроль, если фактически прокурор — общественный правозащитник — будет контролировать сам себя?

Отметим для себя тот факт, что В.И. Индиряков с неудовольствием отмечает, что иные самарские правозащитные организации занимаются, как правило, "обличением власти и нападками на правоохранительные органы".

Но реальная правозащитная организация молчит либо когда бездействует, либо когда в окружающей ее действительности наведен идеальный порядок.

Причем В.И. Индиряков заявляет, что у нас нет "выверенной уголовной практики по наказаниям за содеянное". Что, как он выразился, "руководствуемся сиюминутной политической выгодой", что законы "на перспективу никто не рассчитывает", что "гуртом гонят людей в лагерь", но при этом не слышно, чтобы "из 700 воров в законе ... кого-то посадили, хотя данные на них в МВД есть". А Владимир Иванович, перечисляя все это, одновременно недоволен правозащитниками, которые занимаются "обличением властей".

А что же хочет предложить СРОПЦ другим правозащитным организациям?

В.И. Индиряков, перечисляя основные направления работы СРОПЦ, первым называет координацию деятельности правозащитных организаций. После прочтения этого откровения В.И. Индирякова вспомнил я безызывную фразу: "Самозванцев нам не надо, командовать парадом буду я!" Спрашивается: а кто, собственно, уполномочивал СРОПЦ и В.И. Индирякова координировать деятельность правозащитных организаций?

Да, к слову сказать, некоторые общественные объединения уже имели опыт общения с В.И. Индиряковым при попытке скоординировать действия.

В начале прошлого года несколько общественных объединений обратились к губернатору Самарской области К.А. Титову с просьбой осуществить рекомендацию Указа президента РФ № 864 от 13.06.96 г. и образовать в Самарской области комиссию по правам человека. Месяца через два-три, а именно 26 мая 1997 года, состоялась встреча представителей этих организаций с представителями власти, в том числе и с В.И. Индиряковым, и с работником администрации области А.Н. Голенцовым. Они выслушали наши пожелания по тому, какой должна быть эта комиссия. А через месяц-другой был создан СРОПЦ, в состав которого оба названных государственных деятеля и вошли. А рекомендованная президентом России комиссия по правам человека не создана до настоящего времени.

У самарского "Мемориала" есть и свой, так сказать, специализированный, опыт контактирования с государственными организациями ...

В конце восьмидесятых годов, когда был создан "Мемориал", делами восстановления прав политрепрессированных в числе многих других дел и в городе, и в области занимались заместители председателей соответствующих исполкомов: в городе — Р.П. Мартынова, в области — В.С. Романов. Именно при них, до принятия общегосударственных актов о жертвах политических репрессий, в городе и области были приняты соответствующие постановления, улучшающие положение бывших политузников. Именно тогда был установлен в парке имени Ю.А. Гагарина памятный знак жертвам несправедливых политических репрессий, были приняты решения о значительной единовременной материальной помощи политрепрессированным (естественно, все это происходило при участии "Мемориала"). Именно тогда "Мемориал" по своей инициативе стал проводить теперь ставшие традиционными встречи у памятного знака в парке им. Ю.А. Гагарина в конце октября и в конце мая. В те времена не было нужды призывать контактировать с госорганизациями, т.к. контакт был естественным рабочим состоянием. Каждый делал то, что ему было более свойственно и посильно.

Что же произошло после того, как в структурах администрации возникли специализированные комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий, которые должны были заниматься исключительно и только делами реабилитированных и которым за это платили бюджетные деньги?

Не знаю, как в других местностях, а у нас они не предложили ничего нового, стали использовать тот опыт, который был наработан до них. Но использовать несколько специфически. Так, например, нынешний председатель городской комиссии Е.И. Грабарь взял на себя организацию встреч у памятного знака в День политзаключенного, чем все время бесплатно занимался "Мемориал". Но сделал это Е.И. Грабарь, как сказано, специфически, даже не поставив "Мемориал" в известность о том, что теперь в организаторах этого мероприятия будет он — Е.И. Грабарь. Были и другие аналогичные случаи его контактирования (если это можно назвать контактированием) с "Мемориалом", после которых осталось лишь чувство того, что при взаимодействии с Е.И. Грабарем нужно "Мемориалу" принимать те же меры предосторожности, что и при контактировании с танком. Кстати, о танках. Е.И. Грабарь — танкист, подполковник в отставке. Хотя и в отставке, но, как говорит-

ся, мастерство не пропьешь, и Е.И. Грабарь разворачивается на вверенном ему участке муниципальной службы так, что невольно постоянно вспоминаешь о его (т.е. Грабаря) бронетанковом прошлом.

Теперь об опыте контактирования "Мемориала" с редакционным советом по "Белой книге" во главе с полковником госбезопасности в отставке Н.Е. Попковым. "Мемориал" с первых дней своего существования выступал за создание Книги памяти жертв политических репрессий. И когда редакционный совет по Книге был создан, естественно, "Мемориал" направил в этот совет свои предложения по ее созданию. Но они не только не обсуждались, но даже не был поставлен на голосование вопрос о том, обсуждать или не обсуждать эти предложения "Мемориала".

Аналогично взаимодействовали мы и с председателем областной комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий, полковником милиции А.М. Ивановым. Об этом еще 5 марта 1994 г. писал Виктор Крайский в газете "Вольнодумец" в заметке "Чиновник Алексей Иванов очень любит политзаключенных. Но только в рабочее время".

Так что, взаимодействие — это ведь процесс обоюдный. И если действующие ныне госчиновники готовы контактировать лишь в том смысле, что готовы отдавать приказы, то не должно вызывать удивления, если на такого рода контакты правозащитники с ними не пойдут.

Кстати о приказах. Читатель, видимо, обратил внимание на то, что автор приводит воинские звания некоторых перечисленных деятелей: армейский подполковник, полковник госбезопасности, полковник милиции. Если еще добавить, что В.И. Индиряков является, кажется, старшим советником юстиции (что соответствует воинскому званию полковника), то у читателя сложится вполне определенная картина: кто стоит у руля структур, так или иначе связанных с правами человека в Самаре и Самарской области, и с кем В.И. Индиряков предлагает правозащитникам "искать контакт".

Что еще? В чем-то новом В.И. Индиряков, как говорится, замечен не был. Не станем же считать поучающий тон по отношению к общественным объединениям чем-то новым из уст чиновника. Так, говоря об Ассоциации по правам человека (в интервью), о "Международной амнистии", о МОПЧ, о "Мемориале", В.И. Индиряков позволяет себе следующий пассаж: "Мы ... хотим (они, видите ли, хотят. — В.С.), чтобы их (т.е. общественных организаций. — В.С.) деятельность по тому профилю правовой защиты, которым они занимаются, была более действенной". А я спрошу В.И. Индирякова: а кто вы, любезные, такие будете, чтобы чего-то хотеть от этих организаций?!

Поясню свою мысль примером.

Представьте. Вышли люди в свое свободное личное время что-то сделать, что называется, для общего блага — например, деревья посадить, мусор убрать или забор покрасить. Как и сколько могут, так и делают. И деревья растут, и во дворе порядок. Но тут вдруг появляется некий господинчик и начинает поучать их: мы-де хотим, чтобы ваша работа была более действенной, чтобы вы, мол, деревья не только у себя во дворе посадили, но и вообще во всем микрорайоне, чтобы не только свой двор благоустроили, но еще и в соседний сходили. Как вы думаете, куда пошлют этого господина люди, занятые общественно полезным делом в свое личное, подчеркиваю, не оплаченное никем время, да еще и сажены за свой счет покупающие?!

А с общественными организациями очень похоже. Тоже общественно полезным делом заняты, людям сколько могут помогают, никого не обманывают, закон

соблюдают, денег за свою работу не просят, да еще и свои доплачивают, чтобы дело продолжалось. Поэтому на то, что В.И. Индиряков и компания возжелали более действенной работы правозащитных организаций, эти организации могут отреагировать соответственно — просто направить "возжелавших" примерно в том же направлении, в котором был направлен господинчик из моего примера.

А прокурор В.И. Индиряков, за свою прокурорскую деятельность получающий от налогоплательщиков зарплату, просто обязан прислушаться к мнению налогоплательщика, которое состоит в том, что при той мерзости запустения, царящей в сфере правоприменения, прокурорскому работнику и сорока восьми часов в сутках должно было бы не хватать, чтобы хорошо выполнять свои прокурорские обязанности. Так нет же, он еще в общественную работу подался. Да не просто подался. А сразу в координаторы. Берется определять общественным объединениям каждому "свой участок работы".

Заверю В.И. Индирякова, что при такой работе нашего родного государства по соблюдению прав человека, как сейчас, правозащитники еще долго не останутся без "своего участка работы", всем будет чем заняться.

А теперь зададимся вопросом: зачем прокурору Индирякову и обладминистрактору Голенцову понадобилось создавать правозащитную организацию? Ведь полномочия у этих двух достойных государственных мужей по их основному месту работы прямо даны для борьбы с теми безобразиями, которые сам же В.И. Индиряков называет в интервью. Формальное называние себя правозащитником им никаких дополнительных полномочий не дает.

Не знаю, станут ли создатели и идейные руководители СРОПЦ исповедоваться на эту тему.

Отвлечемся временно от СРОПЦ.

Спросим себя: зачем, в принципе, группа чиновников стала бы заниматься созданием правозащитной (хотя бы по названию) организации, да еще ставящей целью координировать деятельность правозащитных организаций? Ответ напрашивается сам собой, а именно: затем, чтобы через координацию правозащитных организаций проводить в правозащитном движении интересы этой самой группы чиновников. А еще зачем? Затем, что слово "правозащитник" может оказаться полезным этой группе чиновников для маскировки. Например, маскировки, при назначении выдвиженцев из госструктур на руководящие посты, скажем, в комиссии по правам человека, которой даже, может, пока и нет, но которую власти не преминут создать в нужный момент. То есть соответствующий кадр перед соответствующим назначением будет некоторое время находиться в этой псевдоправозащитной организации, а уж затем выдвигаться на соответствующий пост. Чем не вариант? Говорят же о фирмах для "отмывания" денег. Почему бы не допустить, что власти могут задаться целью создать "правозащитную" контору для "перелицовки" чиновников в "правозащитников"?!

Насколько эта принципиальная схема соответствует тому, ради чего на самом деле создавался СРОПЦ, имея жизненный опыт, наверное, каждый сам может оценить, в том числе и с учетом сведений, приведенных в данном материале.

Пару слов о законе. Закон называется "Об основах государственной службы Российской Федерации". Есть в этом законе статья 11, называемая "Ограничения, связанные с государственной службой". Пункт 5 этой статьи запрещает госслужащему "быть поверенным или представителем по делам третьих лиц в государственном органе, в котором он состоит на государственной службе либо который непосредственно подчинен или непосредственно подконтролен ему". Пункт 12 запрещает госслу-

жашему "использовать служебное положение в интересах политических партий, общественных, в том числе религиозных, объединений для пропаганды отношения к ним".

Как говорит В.И. Индрияков, СРОПЦ намеревается взаимодействовать с общественными объединениями, органами государственной власти и местного самоуправления. Т.е. и А.Н. Голенцов, и особенно В.И. Индрияков как председатель будут представлять интересы СРОПЦ и обратившихся к нему людей в названных инстанциях, они должны будут действовать в интересах СРОПЦ, должны будут пропагандировать соответствующее отношение к нему. Но если они будут делать это хорошо, в полном объеме, в том числе и в тех госструктурах, где находятся на службе, или в тех структурах, которые им по службе подконтрольны, то они будут нарушать закон. Если же они будут следовать закону, то они как представители СРОПЦ будут недорабатывать, не в полной мере соответствовать ожиданиям тех, кто обратился в СРОПЦ. Как быть?

Если по-хорошему, то от какого-то из двух званий госслужащим — общественным правозащитникам неплохо было бы отказаться, оставшись либо госслужащими, либо общественными правозащитниками.

Но это — если по-хорошему. Принесет ли такой отказ пользу общественности в данном случае? Трудно сказать. Ведь мы не знаем истинных намерений тех, кто вытаскил СРОПЦ на свет Божий. И если, к примеру, мы являемся свидетелями мероприятия по "перелицовке", то эти отказы от постов будут играть примерно ту же роль, что и отвлекающие манипуляции фокусника перед носом зрителя...

Неужели зрители в очередной раз останутся с носом?!

*Владимир Семенов,
председатель совета добровольного
историко-просветительного, правозащитного
и благотворительного общества "Мемориал" г. Самары
газета «Волжская заря», № 45 (8351), 1998 г.*

С У Д Я Т

25 мая 1998 г. в телепередаче "Мы" я сказал: "Во многих случаях расправа идет с теми независимыми судьями, которые имеют самостоятельное мнение и не вписываются в рамки этой системы". Ведущий программы В. Познер спросил: "В чем заключается расправа и кем она творится?..."

Усманов: Расправа творится как со стороны вышестоящего суда, так и со стороны Верховного суда.

Познер: Вы утверждаете, что Верховный суд России и суды высших инстанций наказывают судей за независимость, так?

Усманов: Я не могу сказать в отношении всех, но что касается тех судей, которых я защищаю, именно так и произошло...

27 мая 1998 г. в истории советского и российского судопроизводства произошло знаменательное событие: квалификационной коллегией судей г. Москвы были прекращены судебские полномочия судьи Московского городского суда С.А. Пашина. Перечисление всех заслуг С.А. Пашина перед российской наукой займет много места и времени, отмечу лишь, что С.А. Пашин Заслуженный юрист РФ, кандидат юридических наук.

Полномочия судья С.А. Пашина были прекращены "за совершение поступка, позорящего честь и достоинство судьи, и умаление авторитета судебной власти". Председатель Мосгорсуда З.И. Корнева в своем представлении в квалификационную коллегию судей г. Москвы от 18.05.98 г. основания сформулировала так: "Нарушив тайну совещательной комнаты, С.А. Пашин выехал в Санкт-Петербург, участвовал в слушаниях в Законодательном собрании г. Санкт-Петербурга по проекту Уголовно-процессуального кодекса и выступал по этой теме 16 апреля 1998 г." Вторым обвинением было: "Приговор объемом 290 печатных страниц провозглашался с 12 часов до 14 часов 45 минут, о чем свидетельствует рапорт прокурора..."

Прокурор Г.Д. Чепик в своем рапорте от 14.05.98 г. указал:

С У Д Е Й

"1. Приговор оглашен не в полном объеме — судьей были перечислены лица, показания которых легли в обоснование доказательств, подтверждающих вину каждого подсудимого, без оглашения самих показаний. Приговор объемом 290 листов оглашался с 12 часов до 14 часов 45 минут.

2. Вводную и заключительную части приговора судья огласил, а присутствующие выслушали стоя, описательная часть приговора оглашена и выслушана присутствующими сидя. Судом назначено подсудимым наказание, не соответствующее тяжести преступления. В частности, Попов судом оправдан за отсутствием состава преступления..."

Судебная коллегия под председательством С.А. Пашина удалилась в совещательную комнату, объявив, что приговор будет провозглашен 15.04.98 г. в 15 часов. До удаления в совещательную комнату 06.05.98 г. С.А. Пашин подал заявление с просьбой предоставить ему административный отпуск без сохранения содержания. Приказом № 71 от 10.04.98 г. ему был предоставлен отпуск с 16 по 17 апреля. Приговор был провозглашен 14 мая 1998 г. Вот общая фабула!

Теперь попытаемся разобраться произошедшее, основываясь на законе. Пашин нарушил тайну совещательной комнаты, то есть ст. 302 УПК РСФСР, где сказано: "Приговор постановляется судом в совещательной комнате. Во время совещания судей в совещательной комнате могут находиться судьи, входящие в состав суда по данному делу. Присутствие иных лиц судом не допускается.

С наступлением ночного времени суд вправе прервать совещание для отдыха. Судьи не могут разглашать суждения, имевшие место во время совещания". Согласно п. 15 ст. 34 УПК РСФСР: "Ночное время — с 22 до 6 часов по местному времени". Таким образом, судьи во время провозглашения приговора не имеют права покидать совещательную комнату до 22 часов. А уйдя на отдых, должны прибежать обратно к 6 часам утра. И опять же в законе сказано, что суд "вправе прервать

совещание", но там не сказано, что судьи могут уйти домой. Они также не имеют права болеть, поскольку во время болезни будет нарушена тайна совещательной комнаты. О семейной жизни можно не говорить, так как законом это не регламентировано. А выходные дни, естественно, они не имеют права использовать по своему усмотрению, так как законом это не предусмотрено.

Посмотрим на ситуацию и закон с другой стороны. Если быть логичным и если судьи имеют право использовать субботы и воскресенья по своему усмотрению, то судьи имеют право также получить административный отпуск на два дня и использовать их по своему усмотрению (как, впрочем, и болеть столько, сколько необходимо для выздоровления). И уж конечно, судья не может знать точно, сколько времени ему понадобится для изготовления приговора объемом 290 печатных страниц. Романы и повести писатели пишут годами, а судья С.А. Пашин, по мнению З.И. Корневой, должен был уложиться в 8 дней.

Что касается нарушения ст. 318 УПК РСФСР, обязывающей присутствующих выслушать приговор стоя, то С.А. Пашин действительно нарушил требования УПК. Он руководствовался Конституцией РФ при провозглашении приговора, которая, во-первых, человека провозглашает высшей ценностью, а во-вторых, в России не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. Что подразумевали З.А. Корнева и прокурор Г.Д. Чепик, когда указывали, что присутствующие выслушали описательную часть приговора сидя? Они считают, что присутствующих в течение продолжительного времени необходимо было держать стоя? А они не находят, что такое толкование ст. 318 УПК РСФСР является истязанием человека, особенно пожилого, когда заставляют часами стоять в неподвижности? Согласно ст. 18 Конституции РФ: "Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов..." С.А. Пашин, как человек творческий, законопослушный и правильно понимающий закон, не стал издеваться над людьми. Не стал их пытаться! Он разрешил им сесть, и это явилось одним из обвинений!

С.А. Пашин, как человек творческий, законопослушный, понимающий закон и ученый поехал в Санкт-Петербург с тем, чтобы принять участие в создании Уголовно-процессуального кодекса, который позволил бы не только соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, но позволил бы судьям и всему судейскому сообществу не только правильно отправлять правосудие, но при этом, не ссылаясь на несовершенство закона, его не нарушать. Догматичное толкование и применение ст. 302 УПК РСФСР является основанием к прекращению полномочий всех судей России.

То, что произошло, лишний раз показывает, что несовершенные законы нужны судьям для того, чтобы

расправляться с негодными. Оказывается, С.А. Пашин плохой судья для судейского сообщества! Он плох тем, что с 1996 г. только один приговор отменен в кассационной инстанции. Он плох тем, что 30 процентов дел отправляет на дополнительное расследование! Он плох тем, что выносит оправдательные приговоры! Он плох тем, что за свой счет ездит и принимает активные меры по созданию законов, уважающих человека! И вообще, он плох тем, что любит свою страну и желает процветания ее народу!

Рафаэль Усманов

От редакции:

Вкратце напомним о делах и судьбе Сергея Анатольевича Пашина. Он автор концепций судебной реформы, ее подвижник и вдохновитель, при его непосредственном участии заработали суды присяжных в 9 регионах России, институт судебного обжалования арестов, которого не было и в дореволюционной России. Много усилий приложил Сергей Пашин для того, чтобы в нашей стране появилось независимое, профессиональное, подчиняющееся лишь закону и голосу собственной совести судейское сословие. А когда судебная реформа из-за сопротивления МВД, Генеральной прокуратуры, чиновников, думающих только о своем благе, застопорилась, подал в отставку и ушел из администрации президента в Московский городской суд.

В качестве судьи он делал невероятное: в море произвола, беззакония своими руками создавал островок праведного и справедливого суда. Превышал существующие негласно нормы по оправдательным приговорам, исключал из обвинения доказательства, которые добывались с нарушением законов (путем истязаний, пыток и т.п.), написал бесплатную брошюру для заключенных об обжаловании санкции на арест, был даже случай, когда он дал конвойному деньги на такси, чтобы заключенный с распадом легких, которому изменена мера пресечения, вышел на свободу не в понедельник, а в пятницу...

Нестандартное поведение переполнило чашу терпения высших судебных чинов, которые спокойно смотрят на волокиту, неизбывное крючкотворство, взяточничество "независимых" судей, но не прощают тех, кто пытается реализовать на практике принципы цивилизованного и подлинного правосудия.

В защиту Сергея Пашина, попытавшегося на практике реализовать принципы состязательности правосудия, человека, ставшего символом реформ, символом гражданского мужества и справедливости, выступили известные российские общественные деятели и правозащитники.

Адрес редакции: 103045, Москва, Большой Головин переулок, дом 22, строение 1, комната 8.

Тел./факс (095) 207-7404, 207-6069, e-mail: mhg@glasnet.ru

Редактор Елена Гришина